

Михаил Линкин

Открытие Якутии: новые страницы

Книга Олега Сидорова о Платоне Ойунском — не первая в «ЖЗЛ», посвященная судьбе представителя якутского народа. За несколько лет до нее выходила книга Николая Коняева «Алексей Кулаковский», а через какое-то время после «Платона Ойунского» вышла книга того же Олега Сидорова «Максим Аммосов». Так что можно сказать, что выход этих книг в популярной биографической серии знаменует важное социокультурное явление: открытие русскому читателю Якутии.

Нет, вообще-то мы все, по выражению Брюсова, «так называемые образованные люди», имеем представление о Сибири и населяющих ее народах — но в большинстве своем не слишком-то их различая. В обывательском сознании господствуют «чукотский анекдот» и случайные документальные кадры с суетливым содержанием. О какой-то там культуре вопрос даже не ставится. Однако те, кто хорошо знает Сибирь и ее народы, те, кто жил среди них и имеет о них практическое, а не обывательское представление, с негодованием отвергнут такой подход. Тем более когда речь идет о якутах, народе саха, доминантном этносе на территории размером с половину Западной Европы, обладающем богатейшей культурной традицией. Якутский народ — это серьезно. И якутская культура — это серьезно, и традиционная, и современная. А Платон Ойунский — ключевая фигура якутской культуры.

«Ойуун» — по-якутски «шаман», «уус» — род. Потомок шаманов Платон Слепцов с 1920 года стал Платоном Ойунским, по-якутски это пишется «Ойуунускай» — «из рода шаманов». Именно тогда, в 1920 году, губревком принял решение о том, что «на территории Якутской области объявляется беспощадная борьба с шаманством,

профессиональными шаманами и шаманской спекуляцией». Вчерашний пламенный сторонник революции и ее преобразований вдруг являет пример своеобразной фронды перед Советской властью — и одновременно совершает глубоко символический акт культурного выбора, оставаясь в своей национальной традиции. Разумеется, ни о каком противостоянии и речи нет, Платон Слепцов-Ойунский еще будет занимать важные административные и культурные должности, но в эпоху репрессий все это так или иначе закончится обвинением в буржуазном национализме, арестом и смертью в тюремной больнице. Произведения, в которых он не только продолжал непрерывную традицию народного сказительства, но и фактически разрабатывал якутский язык, приспособливая его к новой культурной ситуации Якутии в XX веке, — долгое время будут запрещены, и самое имя автора будет вычеркнуто из истории. Книга «Платон Ойунский» — часть общего процесса культурного возрождения, переживаемого ныне Якутией.

Кстати, о возрождении. Вернее, даже так — о Возрождении. То что происходило в Якутии в конце XIX — начале XX века, до некоторой степени сопоставимо с европейским Ренессансом в том, что касается появления особой человеческой породы — по сути именно ренессансного типа. В глухом краю с суровыми условиями жизни, вдали от всякой цивилизации, где царят бедность, болезни и неграмотность, там, куда только революционеров-заговорщиков ссылали в наказание и ради обеспечения государственной безопасности — вдруг появляется местная интеллигенция! Потомки охотников и рыболовов, крестьян из дальних аласов и якутских мещан (ну а также шаманов и тойонов), имеющие в интеллектуальном багаже в лучшем случае несколько классов учительской

Олег Сидоров. Платон Ойунский. — М.: Молодая гвардия, 2016. — «ЖЗЛ».

семинарии, как тот же Платон Ойунский, вдруг становятся филологами и историками, фольклористами и этнографами, публицистами и общественными деятелями, создателями науки, театра и искусства. Разумеется, немалую роль в этом процессе сыграли те самые ссыльные революционеры, когда-то принешие в Якутию зерна просвещения, а некоторые даже серьезно занялись изучением Якутии, но несомненно, что в дальнейшем процесс культурного развития велся силами их учеников и учеников этих учеников, то есть в первую очередь самих якутов. Имена Алексея Кулаковского и Платона Ойунского, Максима Аммосова и Гаврила Ксенофонтова, Эргиса и Софронова-Алампы и еще многих других не слишком-то широко известны вне Якутии, тем более что в массе своей этот ренессансный взлет был просто физически уничтожен в годы репрессий. Уничтожен той самой властью, за установление которой боролся Платон Ойунский. Сам он довольно рано, уже в 20-е годы, начал осознавать, что жизнь меняется не так, как ожидалось. И он принял неожиданное решение: отказавшись от политических постов, он, успев написать и защитить диссертацию, всецело сосредоточился на литературном творчестве, оставив потомкам среди прочих произведений великий памятник: эпическое сказание-олонхо «Нюргун-Боотур Стремительный».

Олонхо — традиционный жанр якутского фольклора, большое стихотворное повествование, его исполнение — целое искусство, которым владеют и передают из поколения в поколение мастера-олонхосуты (Ойунский, кстати, в бытность свою председателем Союза писателей Якутии принял в союз последних олонхосутов, невзирая на то что среди них были и неграмотные). Он и сам считал себя олонхосутом — только не поющим, а пишущим. Его «Нюргун-Боотур Стремительный», в котором, подобно «Калевале» и «Гайавате», сочетаются авторский подход (весьма бережный) и народная фольклорная аутентичность, рассказывает о мироздании и борьбе — но не о людских войнах, а о борьбе космических сил, сил Верхнего мира, мира богов, с силами Нижнего мира (злых богов) и участии в этой борьбе людей и духов — обитателей Среднего мира. Конечно, прекрасно творить поэзию, вникать

в детальные, разработанные космогонические представления своего народа, а не в чиновничью бумажную «текучку», но многие в Среднем мире, окружающем Платона Ойунского, только и ждали момента, чтобы свести с ним какие-то счеты или реализовать свои амбиции...

Автор — соотечественник и соплеменник своего героя, носитель одной с ним культуры, пишет по-русски и по-якутски. Но в отличие от его повестей и рассказов, написанных в сказовой традиции, «Платон Ойунский» — произведение строго документальное. Мы прослеживаем судьбу героя, начиная с детства в бедном дальнем наслеге, где он удивлял сверстников и взрослых своими способностями и страстью к исполнению олонхо; далее — учеба в четырехклассном училище в Якутске, где он уже начал писать стихи, в том числе и по-русски, вошел в круги местной интеллигенции, затем — революционные веяния, окончание Якутской учительской семинарии, Томский учительский институт — и в суматохе событий конца 10—начала 20-х он уже представитель Советской власти, публицист, депутат и делегат. Потом — большой чиновник, организатор культурного строительства. А затем — трения с центральной властью, да и внутренние дрязги, общее разочарование, поиск выхода в творчестве, и наконец Платон Ойунский оставляет свои посты и уходит целиком в литературу, но от политики так просто не уйдешь... То, что автор близок своему герою, досконально знает подоплеку событий, исторических и культурных явлений, оказывается и хорошо, и не очень хорошо для биографической книги. Читателю, от этих событий и этой культуры далекому, порой приходится «домысливать» ситуацию, подключать собственный механизм острашения там, где автор рассказывает об обычных и знакомых всем якутам, но не всегда с ходу уловимых для «чужого» вещах. Кроме того — такова особенность жанра — когда речь идет о событиях, известных из документов, часто в рассказе сохраняется стилистическая канцелярская специфика документа. Но самое главное — книга существует, и, заполняя информационную лакуну, она вполне выполняет свою просветительскую функцию: заново открывает русскому читателю Якутию через судьбу одного из лучших представителей ее народа.